

КИТЕЖСКАЯ ЛЕГЕНДА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

И. Ю. Искржицкая

Легенда о Невидимом Граде Китеже — своеобразный национальный трансмиф, мифологема России. Вся история русской земли проходит под знаком Китежа. Идея Китежа подсудно всегда существовала в национальном самосознании и, как идея «пульсирующая», с особой силой и красотой преосуществилась, всплыла в отечественной культуре рубежа XIX—XX веков, когда десятки художников, поэтов, прозаиков, композиторов, философов обратились к одному и тому же источнику — Китежской легенде.

Особая, сокровенная аура, окружающая русский северный и северо-восточный «Град у озера», волновала художественную интеллигенцию глубиной сокровенной тайны, лишь отчасти явленной в материальном облике Новгорода, Ростова, Переяславля, Валаама, Ниловой пустыни. Русский Северо-восток издревле воспринимался как страна святых чудес, где каждая волость хранила память о подвижнике, спасшемся в лесном безмолвии. Но «мало было уйти в леса, — замечал И. А. Ильин, — надо было еще уйти в себя, в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в глубь молитвы, в немое, осторожное собирание перегорающей и выжидающей силы»¹. Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас, полагал философ, — «к самому естеству русской народной души принадлежит это взыскание Града. Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа, она всегда готова начать паломничество к далекой и близкой святыне. (...) Мы научились хоронить нашу национальную святыню в недосыгаемости. Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, мы научились внимать его сверхчувственному

благовесту; в дремучей душевной чаше нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, — боговидческое око русской земли, око откровения»².

Мистический трагизм реального бытия на переломе XIX—XX веков, накануне мучительнейшей судороги русской истории, необычайно остро ощущался отечественной культурой. Предчувствиями уходящей на дно Атлантиды наполнены философские, религиозные, художественные искания тех лет. Религиозные интуиции культуры определяли интерпретацию исторического пути России, ее историософию. Прошлое, настоящее и будущее отечества осмысливались как живая трагедия жертвы, история муки и борьбы, гибели и возрождения. В данном контексте сказание о граде Китеже вобрало в себя богатейший, очень сложный комплекс проблем — религиозных, политических, эстетических, понимание истинной веры, идеального устройства мира, прогресса и апокалиптики.

Так, например, с идеей Китежа связывается идея «абсолютного добра» (по выражению В. Лосского), т. е. такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием, — «русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божия», — полагал Н. Бердяев. Находясь в непосредственной связи с эсхатологическими чаяниями русской культуры Серебряного века, Китежская легенда, однако, резонировала не утопией установленного земного рая, но, напротив, апокалиптическим мотивом и, прежде всего, идеей «катастрофического прогресса», блестяще разработанной В. Эрном в связи с опытом мировой и отечественной истории. Эрн считал, что катастрофы — «прерывные» процессы — переводят события эволюционного порядка в качественно иную плоскость; каждый «прерыв» — иррационален, мистичен и сверхпозитивен, «прерыв» — это та в пределах нашего мира лежащая точка, где два мира — мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии, когда чудо, таинственное вмешательство высших сил становится необходимым событием жизни³. Примерами такой встречи двух миров является пришествие Христа, чудо Китежа... Если с точки зрения земной погружение Китежа в воды Светлояра — катастрофа, то с точки зрения абсолюта оно — чудо, причем чудо «последнее», со всеми знаками русского,

православного Апокалипсиса, имеющего двойкий характер, соответственно двойственности самих апокалиптических пророчеств, — мрачный и светлый.

Китеж как общенациональный символ и русского духа, и русского бытия необычайно соответствовал культуре Серебряного века, дышавшей и мыслившей символами. Нераздельность и неслиянность видимого и невидимого, таинство взаимопроницания горнего и дольного миров, столь волновавшее символистов, максимально адекватно реализовалось в феномене Невидимого Града. Более того, глубинный смысл Китежа раскрывается через символ воцерковления человека, ибо и церковь, и человек — символичны, совмещают в себе боготварное; богочеловеческое единство. «Символизм» церкви и человека глубоко продуман в трудах С. Булгакова, утверждавшего, что «Церковь не может существовать сама в себе, вне людей. Она не вмещается в человеческий опыт всецело, ибо жизнь Церкви божественна и неисчерпаема, однако особое качество этой жизни поддается всякому к ней приступающему. (...) В Церкви все невидимо и таинственно, все переливается в грани видимого мира, но все невидимое видимо, и эта видимость невидимого и есть само условие существования Церкви»⁴.

Это же преосуществление невидимого в видимое составляет высшую цель развития каждой личности, в традициях русской духовной святости это подвиг подвижничества, столь ярко просиявший в преподобном Сергии Радонежском. Действительно, «дело пророка и гения состоит в том, что он, пребывая во внутренней и внешней стихии своего народа, ставит себя, в своем лице весь народ — перед лицом Божием и выговаривает от всего своего народа символ национального боговосприятия»⁵.

Основные столпы русской духовной культуры — «национального Боговосприятия» — иконы, жития подвижников, церкви, монастыри, т. е. те самые «грады и дома и книги», о которых сказано уже в Священном Писании. В искусстве Серебряного века образ Града, на который возлагалась миссия того самого Третьего Рима (с этой миссией не справились, по мнению русской интеллигенции, ни Москва, ни Петербург, допустившие в свои стены Антихриста), чаще всего связывается, как уже говорилось, с городами Северо-востока России. Именно к этому региону национальной культуры обращается художественная интеллигенция рубежа веков — Н. Римский-Корсаков, Д. Мережковский и З. Гиппиус, С. Го-

родецкий, Н. Ключев, М. Волошин, Н. Рерих... Не случайно опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» стала осуществленным синтезом, с одной стороны, дохристианского, языческого, и православного пластов нашей культуры, а с другой стороны — удачайшим синтезом музыки, слова, живописи, т. е. театра как «храмового действия» (определение П. Флоренского), осуществлением мечты о соборном искусстве.

Оригинальная интерпретация китежской легенды содержится в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей». Писатель развивает один из вариантов легенды, согласно которому Китеж не скрылся под землей, его не поглотили воды Светлояра, но Град стоит на тех же холмах, так же сверкают купола его церквей, идут в соборах службы, и только мы, по своей греховности, не можем его увидеть. «То место кажется пустынным лесом. Но там есть и церковь, и дома, и монастыри, и множество людей. Летними ночами на озере слышится звон колоколов и в ясной воде отражаются золотые маковки церквей. Там поистине царство земное: и покой, и тишина, и веселие вечное; святые отцы процветали там, как лилии, как кипарисы и финики, как многоценный бисер и звезды небесные (...). Их возлюбил Господь и хранит, как зеницу ока, покрывая невидимо дланью Своею до скончания века. И не узрят они скорби и печали от зверя-антихриста, только о нас, грешных, день и ночь печалуют — об отступлении нашем и всего царства Русского, что антихрист в нем царствует»⁶.

В 1903 г. Д. Мережковский и З. Гиппиус предприняли путешествие по древним северо-восточным русским городам в поисках «нового религиозного сознания», истинной веры, противопоставленной религиозному официозу. Столь желанному для русской интеллигенции объединению с народным религиозным сознанием не суждено было, однако, осуществиться. Мережковский полагал, что «в тело Церкви вселилась другая душа, за личиной Церкви скрылось другое лицо», что Церковь ведет не Христос, но Антихрист. Ничего подобного не могло быть в народном сознании, оно в принципе не могло подозревать Небесную церковь в бессилии помешать распространяться на земле злу, — «в годы церковных неурядиц народ лишь умножал молитвы к Церкви Невидимой, ища в ней исцеления Церкви Видимой», — замечал С. Дурылин⁷. Китеж и есть такая молитва. Именно таков Китеж Н. Ключева — миф в лучших традициях фольклорного

искусства. Избяная Индия, Китеж-Индия, образ «мужицкого рая», невидимой сейчас, но сильной и величественной Руси. В этом смысле «Погорельщина» Н. Клюева, «Повесть о Лидде — Городе белых цветов» — плач по исчезнувшей, поруганной стране, пронзительный парафраз Китежской легенды.

Неожиданным образом Китеж является одним из лейтмотивов творчества М. Волошина, тяготевшего к рафинированной европейской культуре и просторам жаркого Коктебеля. Чуткий слух поэта улавливал, однако, Китежскую идею и в Перебурге, и в Крыму, и в Париже. Первое упоминание Волошина о Китеже действительно встречается в стихотворении, написанном в Париже («Письмо», 1904 г.): «В озерах памяти моей / Опять гудит подворный Китеж, / И легкий шелест дальних слов / Певуч, как гул колоколов». Позже поэт предельно точно скажет: «Китеж передает мое отношение к русской истории».

Особое место в интерпретации Китежской легенды занимает творчество Н. Рериха. В Невидимом Граде художник усмотрел нечто универсальное, подобное солнечному свету, одинаково озаряющему Запад и Восток. Китежская легенда органично увязывалась Рерихом с Беловодьем и Шамбалой⁸.

Сказание о граде Китеже, точнее, его философско-художественное пространство в русской культуре Серебряного века представляется явлением уникальным в своем роде, если не единственным, ибо неисповедимо и неизбежно подтверждается интуиция легенды о Невидимом Граде — поистине, «судьбы народа сокрыты в его истории... Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания (...). Но в недрах нашего прошлого нам даны великие залогов и благодатные источники. И видя их, принимая к ним и упоаясь ими, мы уже не сомневаемся в тех путях, по которым ведет нас АНГЕЛ Божий... Ибо с нами Господь нашего Китежа»⁹.

¹ Ильин И. А. О России. М., 1991. С. 14.

² Там же, с. 15.

³ Эрн В. Идея катастрофического прогресса. — Эрн. Борьба за Логос. М., 1910.

⁴ Булгаков С. Православие. М., 1991. С. 371.

⁵ Ильин И. А. Указ. соч., с. 20.

⁶ Мережковский Д. Петр и Алексей. М., 1990. С. 71.

⁷ Дурылин С. Церковь Невидимого Града. Сказание о граде Китеже. М., 1914. С. 9.

⁸ См.: Савоскул С. И. К. Рерих и легенда о Беловодьи. // Советская этнография. 1983. № 6.

⁹ Ильин И. А. Указ. соч., с. 16.